

ПОЭТ

Приехал к родителям в гости,
поплакал в безлюдной избе
и на деревенском погосте
палатку поставил себе.

Давно уж душа позабыла
про детские шумные дни,
и тянет её на могилы
покинутой милой родни.

Отец на германской контужен,
а мама — в колхозных трудах.
Ах, Господи, как ты был нужен
им в послевоенных годах!

Единственный поздний сыночек,
уехавший в Литинститут, —
для славы, для нескольких строчек,
которых они не прочтут.

* * *

Стук автомата суховат,
стук пулемета влажен,
фугасный короток раскат,
а бомбовой протяжен.

Слух обостряется людской
среди огня и дыма.
Звук пуль — он тоже не такой,
когда в тебя и мимо.

Воспринимал войну на слух,
на вид, на ощупь даже.
Все на войне одно из двух.
Лишь смерть одна и та же.

ЗАБОЛОЦКИЙ

Здесь, на улице Беговой
он сидел со склонённой к листу головой —
никакой уже не заключённый,
а Советскою властью прощённый,
возвращённый в Москву
наяву,
даже в домике поселённый,
где есть маленький садик, ограда, —
а чего еще в старости надо?

Впрочем, садик был скучен и пуст,
лишь сухой можжевеловый куст
под окошком уныло торчал,
на вопросы судьбы отвечал.

Можжевеловый куст,
можжевеловый куст,
робкий лепет изменчивых уст, —
или что-то похожее, но
всё равно суть не в том,
всё равно.

В наших главных стихах смысла нет,
и слова в них похожи на бред.
Нам любая травинка — поля,
нам любая пылинка — Земля,
а тем более после тюрьмы,
после лесоповалальной зимы,
перед чахлым колючим кустом,
над распахнутым настежь листом.

БРОДЯГИ

Я пошёл за народ сражаться,
а народ пошёл в магазин,
чтобы водки купить, нажраться,
спеть про ветер, про баргузин.

Эх, бродяга к прилавку подходит,
ух, бродяга бутылку берёт,

ох, унылую песню заводит,
ах, о родине что-то поёт.

Я сражаюсь, назад ни шагу,
потому что за мной страна,
и поющий с утра бродяга,
слов не знающий ни хрена.

Эх, бродяга Байкал переехал,
ох, навстречу родимая мать,
ух, а дальше совсем не до смеха,
аж мотива не может поймать.

Отсражался я, отвалился
в опалённых чужих полях.
И бродяга ко мне являлся
в медсанбатах и госпиталях.

Эх, народ наш давно уж в могиле,
ох, засыпанный тарой лежит,
ах, бродяга мне в Нижнем Тагиле
так поёт — даже голос дрожит.

* * *

Дрова бормочут, прогорая,
по окнам морося слёзы льёт,
над ветхой крышею сарая
туман, как облако, плывёт.

Сентябрь унылый, деревенский.
Не знаешь: спиши или живёшь —
без недругов, без ласки женской,
на чёрта лысого похож.

А всё-таки покой и воля
тебя в судьбе не обошли,
пусть и ржавеешь на приколе,
как боевые корабли.

Они ещё не омертвили.
И если громыхнёт война,
в ремонтно-доковой купели
их снова окрестит страна,

поставит новые орудья,
отправит в яростный поход, —
и лысый чёрт с седою грудью
в тебе взаправду оживёт.